

Георгий Серов

Все оттенки чёрно-
белого

рассказ

18+

Георгий Алексеевич Серов

Все оттенки чёрно-белого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51567763

SelfPub; 2020

Аннотация

Комитрагедия, в которой любопытный читатель сможет встретиться и с персонажем, запутавшимся во взаимоотношениях с женой и любовницей, но в один день, волею случая, разобравшимся с этими взаимоотношениями, и с хорошо зарабатывающим чиновником одного уважаемого министерства, и с полюбившимся всеми коронавирусом из Китая. Осторожно! Может содержать следовые количества порнографии.

Содержание

Все оттенки чёрно-белого	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Все оттенки чёрно-белого

1 апреля Михаил Юрьевич решился-таки, повинувшись уговорам жены, пойти на обследование. Медицинское обследование. В последнее время, особенно после 49-го дня его рождения, всё как-то не могло, не дюжилось – то в боку стрельнет, то в глазах потемнеет.

Он-то лично не обращал особого внимания на недомогания, списывал их на возраст. И ранее «стреляло» и «темнело», не в таких, конечно, количествах, – но ведь бывало же!

Однако ж, пристала жена – «иди проверься, проверься иди. Вдруг, серьёзное что?». Родственники тоже, со своими вечными: «После сорока, а уж, тем более, к пятидесяти ближе, надо о здоровье заботиться, Миша».

Да и Настасья-Настасюшка, зазноба его, сказала как-то: – Что-то ты, Мишенька, когда на мне, какой-то бледный становишься. Смотри, не отойди к предкам во время наших утех, а то стыду-позору не оберешься, да и мне головняки эти ни к чему.

В общем, решился он.

1 апреля для визита в больницу выбрано было случайно, просто отгул начальство дало за работу в выходные. А может, и не случайно, – рассчитывал Михаил Юрьевич втайне, что народу поменьше в поликлинике будет – со здоровьем шутики плохи, это вам не «у вас вся спина белая! Ха-ха!».

Больница у них в городке всего одна, специалистов, тем более хороших, – и того меньше. Но, если уж скажут, что надо серьёзно провериться, можно и в областной центр съездить – здоровье важнее.

Да, сорок девять – дело нешуточное. Сколько друзей у него да однокашников повыкосило: то инсульт, то инфаркт, то ещё какая болезнь поганая. Не хотелось бы, конечно, так рано помирать в корчах, как его сестра двоюродная – от онкологии за три года сгорела, – а ведь всего-то сорок два было!

– Ну, для того и нужны профилактика и ранее выявление. Вот сейчас дойду до медиков, они-то мне всё и расскажут, и покажут. – Думал про себя Михаил Юрьевич, подходя к обшарпанному крыльцу осыпающейся потихоньку Горемыкинской ЦРБ, обслуживавшей столицу района, городок Горемыкино, и район с одноимённым названием.

Отстояв положенную очередь к терапевту – народу было много, даром, что первое апреля, Михаил Юрьевич направился в кабинет УЗИ, для проверки состояния его внутренних органов. Предварительно он забежал в магазинчик, находившийся неподалёку от больницы, и выпил, по совету терапевта, полтора литра минералки.

И тут началось самое интересное.

Постучав в кабинет УЗИ-диагностики, он приоткрыл дверь и протянул в полумрак своё направление.

Мартынов Михаил Юрьевич? – Молодой худощавый врач печальным взором воловых глаз, скрытых толстыми линза-

ми, оглядел Михаила Юрьевича с ног до головы. На мгновение Михаилу Юрьевичу даже показалось, что, поскольку аппарат УЗИ сломался, а заключение с врача в любом случае потребуют, то он пытается определить наличие патологии внутренних органов с помощью подручных средств, в данном случае – собственных глаз, усиленных диоптриями очков.

Затем молодой специалист пробормотал неожиданное:

– Простыня.

– Что, простите? – Не поняв, переспросил Михаил Юрьевич.

– Простыня. – Терпеливо повторил узист.

– Что простыня?

– Где простыня? – Вопросом на вопрос ответил врач.

– А что, нужна? – Перекинул эстафетную палочку вопрошания Михаил Юрьевич.

Тяжко вздохнув, молодой человек воскликнул, обращаясь к невидимому ангелу-хранителю кабинета УЗИ-диагностики:

– Марина-а! Тут опять без простынки! Принесите одно-разовую, пожалуйста.

По соседству хлопнула дверь и чьи-то тяжелые шаги удалились, скрипя деревянными половицами больничного коридора.

Через минуту в кабинет ворвалась, тяжело дыша, пухлая медсестра, держа в руках не первой свежести пелёнку, на

серо-белой поверхности которой отчетливо виднелись звучащие шаманскими заклятиями чёрные надписи «УХО», «ОМХО», «ХОЗО», красноречиво свидетельствовавшие о преклонном возрасте предоставленного куска ткани.

Вновь тяжело вздохнув, юноша горько запричитал:

– Марина, я же просил од-но-ра-зо-ву-ю. А вы что?

– Андрей Силантич! – Затараторила холеричная Марина. – Ну нету одноразовых, нету. Не закупили, денег нету. На складе только такие остались.

В третий раз вздохнув тяжело, Андрей Силантьевич, он же узист, сказал, обращаясь уже к Михаилу Юрьевичу:

– Ложитесь на кушетку, постелите пеленку.

– Мне сначала лечь, а потом постелить пеленку? – Хотел было съюморить Михаил Юрьевич, но по мрачному взгляду Андрей Силантича, понял, что юморить он будет в другое время и в другом месте.

– Сначала постелите пелёнку, разумеется, затем ложитесь. – Сказал, пропустив мимо ушей юмористический шедевр своего пациента, молодой узист.

– Как скажете. – Постелив застиранную пелёнку и ложась, кряхтя, на кушетку, проговорил Михаил Юрьевич.

Началось исследование. Навалив холодного склизкого геля на живот Михаила Юрьевича, врач начал диктовать розовощёкой Марине, сидевшей за стареньким компьютером, какие-то цифры и, казавшиеся именами древнегреческих богов, названия:

– Так, проток диаметром 0,7 миллиметров... Эхоструктура паренхимы... Холедох... Дилатация.

Марина деловито выбивала на клавиатуре своими толстыми пальцами заклинания, проговариваемые врачом в полумраке кабинета диагностики. Михаил Юрьевич в это время с тревогой переводил глаза с очков худосочного доктора, в которых отражались блики экрана аппарата УЗИ, на белую шапочку медсестры. Он тщетно пытался найти хоть какую-то связь с действительностью в единственно казавшимися ему имеющими отношение к реальности вещам.

– Так, Михаил, э-э-э... Юрьевич. Вам у терапевта сказали жидкость выпить за 40 минут до УЗИ? – Спросил врач, сверяясь с амбулаторной картой.

– Ну да, я в магазинчик сбегал, за минералкой. Выпил... Да. – Ответил Мартынов.

– Тогда поворачивайтесь на левый бок.

Выполняя команду врача, Михаил Юрьевич повернулся на левый бок. Врач, предварительно измазав холодным гелем правый бок своего пациента, приложил к нему датчик и продолжил диктовать непостижимую неосведомленному человеку буквенно-цифровую шифрограмму своей помощнице.

– Так, теперь на правый бок.

Михаил Юрьевич послушно перелёг на правый бок и с покорностью принял телом холодный гель. Андрей Силантьевич шурудил датчиком, размазывая гель по левому боку подопытного, и продолжал отправлять голосовые послания Ма-

риночке.

Вдруг, остановившись на несколько секунд, он вперился в монитор, сверкая толстыми линзами своих очков и, как показалось Михаилу Юрьевичу, торжественно-мрачно начал надиктовывать медсестре:

– Та-ак! При исследовании левой почки выявлено уплотнение величиной 5 миллиметров в диаметре, с распространением на окружающие почку лимфатические узлы.

Мариночка тяжело вздохнула и с сожалением посмотрела на Михаила Юрьевича. Не на шутку встревоженный, он, изобразив бледное подобие улыбки, и придав как можно больше бодрости своему голосу, спросил у вершителя своей судьбы:

– Ну что, доктор, жить буду?

Марина, не в силах сдержать свои эмоции, закачала головой из стороны в сторону.

Доктор в очках, мрачно хмыкнув, сказал:

– Вероятно.

Затем он продолжил:

– Подождите в коридоре. Через десять минут вам выдадут заключение.

Совершенно обескураженный абсолютно непонятной для него реакцией медиков на результаты исследования, Михаил Юрьевич наскоро вытер остатки геля сероватой простынкой и, одевшись, как ошпаренный выскочил в коридор поликлиники.

– Следующий! – Выйдя за ним в коридор, гаркнула Марина и, как вновь показалось Михаилу Юрьевичу, с жалостью, словно провожая родственника в долгий, может, невозвратный путь, скользнула по нему взглядом.

Терпеливо дожидаясь заключения исследования и внутренне содрогаясь от какого-то нехорошего предчувствия, Михаил Юрьевич стоял, прислонившись к стенке. Нервное напряжение его было столь велико, что он забыл о настоячивых позывах организма, дававших знать о себе после употребления им минеральной воды. Кроме того, у него непрозвольно затряслась левая нога.

Осознавая, что нервозность его очевидна для окружающих он, покраснел, желая провалиться сквозь бетонные перекрытия старенькой больницы на один, а лучше на два этажа вниз.

Минут через пятнадцать из кабинета выплыла Марина, передав со вздохом и опущенными книзу глазами заключение врача.

– Мариночка! – Обратился к ней Михаил Юрьевич. – Я всё равно ни черта не понимаю во всей вашей терминологии. У меня что-то опасное?

– Все вопросы к врачу. – Скорбно проговорила медсестра.

– А можно его позвать? – Словно цепляясь за спасательный круг, с надеждой проговорил Михаил Юрьевич.

– Ну, я не знаю. – Промямлила Мариночка. – Но для вас он, может быть, сделает исключение.

– Для меня он сделает исключение? – С ужасом подумал Михаил Юрьевич. – Неужели всё так плохо?

Мариночка удалилась в полутьму кабинета диагностики и через некоторое время в проёме двери появился наш художничья доктор. Воззрившись на Михаила Юрьевича, он не очень довольным тоном произнёс:

– Вы что-то хотели спросить?

– Доктор, в двух словах – у меня что-то нехорошее? – Подбежал Михаил Юрьевич к нему.

– М-м-м. В двух словах, не то чтобы нехорошее, а, скорее, очень плохое. Хотя утверждать я не могу, ещё нужны анализы, биопсия и так далее.

Михаил Юрьевич отказывался верить своим словам. Биопсия... Ему слишком хорошо было известно это слово, а также то, что за ним скрывалось.

– Господи! – Подумал он с отчаянием. – Неужели онкология? За что? Почему я?

Слишком свежи были воспоминания мучений и мытарств его двоюродной сестры и всего её семейства. В течение трёх лет, казавшихся скоротечным спуском в холод могилы, сестра сдавала анализы, биопсию, стояла в очередях, опять сдавала анализы, потом опять стояла в очередях и сдавала биопсию. И повторно, и в третий раз.

Одни анализы устаревали, другие уже не нужны были. И так кругами... Кругами дантова ада, заботливо обустроенного на земле одними людьми для других. В итоге, время бы-

ло упущено, хотя, может, его и не было вовсе – кто теперь скажет?

Попытавшись справиться с ударом, он проговорил, с трудом разлепляя резко пересохшие губы:

– Доктор, что вы увидели?

– Ну-у, у вас уплотнение в левой почке, что может свидетельствовать о некоем новообразовании. – Протяжно начал разглагольствовать узист, добавив-добив затем:

– А с учётом распространения уплотнения на близлежащие узлы, представляется, что у вас онкология.

Вот посмотрите, на снимке видно, я тут обвёл красной ручкой ваши проблемные зоны – уплотнения.

Михаил Юрьевич тупо смотрел на черно-белые треугольники развёртки УЗИ. Да, он видел какие-то светло-серые контуры на сером и тёмно-сером фоне. Да, они были обведены заботливым врачом красной ручкой. Однако он решительно ничего не понимал.

– Но я бы вам к профильному специалисту рекомендовал сначала сходить. – Продолжил доктор.

– Что же это такое? – Спросил, не обращаясь ни к кому в особенности, Михаил Юрьевич, отходя тихонько вдоль облупленной стеночки от кабинета УЗИ-диагностики.

Как-то автоматически он добрёл до кабинета терапевта – молодой девчонки, только выпустившейся из медицинской академии. У неё перед кабинетом уже было пусто – поток страждущих, по всей видимости, временно иссяк, и Марты-

нов без каких-либо проволочек и извечной ругани, стоящей в очередях, зашёл к терапевту.

– Вот, Мария Александровна, что мне нарисовали тут. – Сказал он глухим голосом, подавая заключение.

Юный терапевт, пробежав глазами заключение, остановилась на тех самых строчках, содержащих медицинские ругательства, которые повергли в уныние Михаила Юрьевича за несколько минут до этого.

– Вы присядьте, Михаил Юрьевич. – Как можно более ласково сказала она, поднимая трубку допотопного дискового телефона и накручивая на нём цифры.

– Аллё, Андрей Силантич? – Спросила она у невидимого собеседника. – Я тут по Мартынову звоню... Да... Да.

Она внимала голосу мрачного узиста, который, по всей видимости, повторял сказанное недавно Михаилу Юрьевичу, но уже с вкраплениями птичьего медицинского диалекта, всякими паренхимами и холидиозами, поскольку общался с коллегой по цеху.

Положив трубку, Мария Александровна, вскинула на Михаила Юрьевича взор лани, пять минут назад потерявшей своего телёночка.

– Михаил Юрьевич, – протяжно сообщила она, словно подбирая слова, – тут врач говорит, что случай серьёзный. Вы пьёте?

– Не понял, к чему этот вопрос?

– Я пытаюсь выяснить этиологию, так сказать, причину

заболевания. – Пропищала, опустив глаза в пол, терапевт.

– Нет, не пью. – Ощущая, что его уже начинают препарировать, ответил Михаил Юрьевич.

– Травмы почек, особенно левой, были? – Продолжала неумолимо девица.

– Да... Ой, нет. Не припомню, может, были. – Запутавшись в показаниях, пробормотал наш герой. – Помню, покалывало в левом боку. В последнее время участилось. Покалывание, то есть, участилось.

– Вот видите. – Явно было видно, что внутренне юная медичка торжествует, докопавшись до истины (как она там говорила, гинеологии, что ли? – начал вспоминать Мартынов). – Неприятные ощущения лишь подтверждают предварительный диагноз нашего прекрасного специалиста. Если у вас были травмы левой почки, то они и явились причиной вашего заболевания.

Терапевт подняла указательный палец правой руки кверху, по-видимому, представляя себя маститым учёным, настаивающим на путь истинный своих студентов-неучей. Затем, спохватившись, вернулась к теме питья:

– Так вы говорите, не пьёте?

– Нет.

– А раньше, раньше – пили? – Не унывала в поисках первопричин тяжкого заболевания многомудрая дева.

– Раньше? Да, раньше выпивал хорошенько. Но это было уже давненько. Года три уж как завязал с этим делом. Сейчас

только по особым случаям.

– Вот! – Торжествующе произнесла врачеватель. – Злоупотребление спиртным также может приводить к возникновению новообразований и необратимым последствиям.

Затем, словно вспомнив, что перед ней сидит приговорённый, а не её экзаменатор или научный оппонент, Мария Александровна осеклась и перешла от теории к практике:

– Судя по метастазированию зловоредных клеток в близлежащие к очагу, то есть к почке, лимфоузлы, у вас онкология в третьей стадии. Вы сами понимаете... Прогноз неблагоприятный.

– Ну да, ну да... – Уже окончательно добитый, закачал головой Мартынов. – Вы мне скажите, Мария, сколько мне жить осталось?

– Михаил Юрьевич, вы относительно молодой по медицинским меркам человек. Процессы распространения новообразований в молодом организме развиваются в десятки раз быстрее, чем, например, у 70-80 летних стариков, поэтому предсказать невозможно. Может, три месяца, может полгода. – Со скорбным видом сказала целительница людских недугов с высшим профильным образованием.

Михаил Юрьевич медленно поднялся со стула и направился к выходу из кабинета терапевта.

– Вам нужно съездить в наш областной онкоцентр. Там вас более подробно проконсультируют, направят на анализы, назначат лечение. – Втыкая тупые ножи утешения в спину

Михаила Юрьевича, крикнула врачиха, когда он был уже на пороге её кабинета.

Подобно зомби он подвигался к выходу из поликлиники. Домой решил не идти.

– Подождут, – подумал он, – если что, скажу, мол, очереди огромные, пока записался, пока прошёл исследования. Пойду к милой моей Настасьюшке. Тем более, что живёт в двух кварталах отсюда. Одна она меня понимает, примет и утешит.

Он вспоминал свою пышногрудую статную любовницу...

Её роскошные рыжие волосы и зелёные глаза он представлял каждый раз, мямля во рту дряблые сосцы своей жены, Елены, и готовясь, скрепя сердце, проникнуть в казавшийся необъятным от обильной смазки и неимоверно расширившийся после двух родов провал.

А при воспоминании об аккуратно стриженном венеринном бугорке Настасьи, покрытом короткими мягкими ворсинками тёмно-каштанового цвета, плавно переходящем внизу в два холмика, разделённых обещающей неземные наслаждения тёмной полоской, Михаил Юрьевич бежал отпрашиваться к начальству, созванивался с Настей и отчаливал с опостылевшей уже давно работы в направлении к дому своей зазнобы.

Но сейчас ему было не до манящих складок, находящихся чуть ниже живота его любовницы. Он пытался воскресить в памяти, как прожил свою жизнь, задаваясь вопросом

о том, что останется после него, кроме кучек помёта, раскиданных по городам и весям необъятной страны, да двух сыновей-оболтусов, которые породят себе подобных, которые тоже породят себе подобных, и так далее – до тех пор, пока океаны не накроют сушу.

Позвонив в дверь и, не дождавшись её открытия в течение двух минут, Михаил Юрьевич вспомнил, что, вопреки сложившейся маленькой традиции, не позвонил Насте загодя.

– Странно – она, вроде, не работает. Может, ушла куда? – Маникюр, педикюр, причёска, какую они там ещё красоту себе наводят? – Подумал он.

Набрав Настин номер и услышав гудки, он с удивлением услышал знакомый звонок за дверью её квартиры.

– Аллё? – Раздался в трубке сонный голос.

– Алло! Настёна, это я, Миша твой! – Попытавшись придать голосу радостную интонацию, сказал Мартынов. – Я тут у тебя под дверью стою. Мимо просто проходил – дай, думаю, зайду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.